

БЕСКОНЕЧНАЯ ВСЕЛЕННАЯ

БЕРНАРДА
ВЕРБОРА

БЕРНС ВЕРБЕР

ящик пандоры

Москва
2019

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
В31

Bernard Werber
LA BOÎTE DE PANDORE

Copyright © Éditions Albin Michel et Bernard Werber, Paris, 2018

Перевод с французского *Аркадия Кабалкина*

Дизайн обложки и иллюстрация *Виктории Лебедевой*

Вербер, Бернар.

В31 Ящик Пандоры / Бернар Вербер ; [пер. с фр. А. Кабалкина]. — Москва : Эксмо, 2019. — 480 с.

ISBN 978-5-04-102560-1

Один вечер в театре гипноза «Ящик Пандоры» переворачивает жизнь обычного учителя истории Рене Толедано с ног на голову. Он совсем не ожидал, что сеанс гипноза с рыжеволосой фокусницей, на который он согласился из вежливости, выбросит его в окопы Первой мировой войны. Он и подумать не мог, что всего через несколько минут после этого по его вине на набережной Сены умрет человек, а труп он трусливо скинет в реку. Разве мог Рене предположить, что всего через пару дней он узнает, что его душа родом из легендарной Атлантиды и ему нужно спасти свое древнее «я» от разрушительного катаклизма, чтобы сохранить в веках память об атлантах. Все вокруг твердят Рене, что он сошел с ума, но он знает, что нет ничего более хрупкого и могущественного, чем человеческая память. Теперь перед Рене стоит непростой выбор — последовать за истиной, скрытой в его прошлых жизнях, или признать, что он болен...

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Кабалкин А., перевод
на русский язык, 2019
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-102560-1

Алисе, гостье по эту сторону зеркала...

Мы живем в забвении своих метаморфоз.
Поль Элюар¹

И когда они спросят нас, что мы делаем,
мы ответим: мы вспоминаем. Да, мы память
человечества, и поэтому мы в конце концов
непреренно победим.
Рей Брэдбери «451 градус по Фаренгейту»

¹ Поль Элюар (1895–1952) — французский поэт. — *Здесь и далее, кроме обозначенных мест, прим. ред.*

Акт І
ГИШНОЗ

1.

— Вы — не только те, за кого себя принимаете. Я задаю вопрос: вы сумеете вспомнить, кто вы на самом деле?

Гипнотизерша по имени Опал готовится к кульминации, гвоздю представления. Она ищет добровольца, оглядывая аудиторию большими зелеными глазами, обведенными черным карандашом.

— Кто из вас хочет вскрыть воспоминания, зарытые в глубинах вашего сознания?

Никто не откликается, все опускают глаза. Она откидывает волнистую прядь длинных рыжих волос, упавшую на глаза.

— Никто? В таком случае я произвольно назначу кого-то одного. Кого бы выбрать?

Она тычет в зал указательным пальцем с безукоризненным маникюром, перебирая зрителей, изучая одного за другим, пока не выбирает жертву.

— Вы!

Мимо! Ничего не выйдет.

— Да, вы, мсье. Не могли бы вы выйти ко мне?

Мужчина со вздохом встает и со скорбной улыбкой поднимается на сцену. Видя, как мало у него энтузиазма, Опал просит зал его подбодрить.

Почему всегда я?

В зале баржи-театра «Ящик Пандоры» помещается примерно триста человек. Все энергично аплодируют, испытывая облегчение от того, что выбор пал не на них.

Двое на сцене, гипнотизерша и ее подопытный, разглядывают друг друга. У нее прекрасная фигура, в глубоком декольте черного платья блестит кулон из ляпис-лазури в форме дельфина. Он — кареглазый шатен в очках с тонкими позолоченными дужками, в тенниске, в джинсах, в ботинках на толстой каучуковой подошве.

— Спасибо вам за сговорчивость, — приветствует она его не без иронии. — Как вас зовут, сколько вам лет?

— Рене Толедано, 32 года, — отвечает он с очевидной неохотой.

— Чем занимаетесь?

— Я преподаю историю в лицее Джонни Холлидея¹.

— Почему вы здесь, мсье Толедано?

— У нас с коллегой Элоди (он указывает на белокурую особу с короткой стрижкой, скромно поднимающую руку в третьем ряду) ритуал: в воскресенье вечером мы всегда ходим на какой-нибудь спектакль, а потом в пиццерию.

— Так. Значит, завтра у вас начинается учебный год. Стресс перед новыми попытками обуздать наших обожаемых ангелочков, да?

В зале смешки.

— Именно. Мы с Элоди решили расслабиться в последний вечер каникул, прежде чем прыгнуть в воронку учебного года.

— Почему из всех спектаклей вы выбрали мой?

¹ Джонни Холлидей (1943–2017) — французский рок-певец. Настоящее имя Жан-Филипп Лео Смет.

— Я люблю магию, Элоди — гипноз. В прошлое воскресенье она ходила со мной на фокусника, теперь моя очередь сделать ей приятное.

— Простой обмен любезностями?

— Признаться, меня заинтриговало название спектакля, «Гипноз и забытые воспоминания».

Женщина с длинными рыжими волосами, улыбаясь, усаживает его в красное бархатное кресло в центре сцены, где красуется огромная фотография зеленого глаза, совсем как у нее.

— Позвольте задать вам вопрос, мсье Толедано. Как лично вы понимаете выражение «забытое воспоминание»?

Вопрос интересный, Рене вскидывает голову.

— У меня как у преподавателя истории такое впечатление, что у всех вокруг прогрессирующая амнезия. Все повторяют ошибки прошлого, потому что забыли, какими были последствия.

Рене подбодрили понимающие голоса в зале, и он продолжает:

— В наше время все происходит быстрее, и мне кажется, что забывается все тоже быстрее.

Снова берет слово гипнотизерша:

— Это так называемая коллективная память. А как у вас дела с вашей собственной, индивидуальной памятью?

Похоже, она чего-то от меня ждет. Каких слов она от меня добивается?

— Более-менее. Я способен вспомнить мельчайшие подробности французской истории. Но с недавних пор у меня возникли провалы в памяти, и это меня тревожит. Например, я все чаще забываю, куда подевал ключи, где поставил машину. На прошлой неделе забыл пин-код своей дебетовой карточки. Если откровенно,

я боюсь кончить, как мой отец, у него болезнь Альцгеймера.

— Худшее, что может произойти с преподавателем истории, — это потеря памяти, не так ли?

Рене вместо ответа смотрит в зал, на свою коллегу.

Уверен, Элоди тоже недоумевает, зачем мы теряем время на эти личные расспросы, вместо того чтобы начать номер.

Этот зал с иллюминаторами, смотрящими на реку, кажется ему тюрьмой, откуда он должен сбежать, а красавица гипнотизерша — тюремщицей, не дающей совершить побег. Она кружит вокруг его кресла, как змея, обвивающая добычу.

— Я говорю с вами не о кратковременной и не о долговременной памяти, мсье Толедано. Речь о глубинной памяти. Даже об очень глубинной. Вместе мы будем искать глубочайшие слои вашей памяти, скрытые под слоями сознания. Вы готовы вскрыть эту глубинную память, делающую вас тем, кто вы есть на самом деле?

О чем она толкует?

— Глубинная память? Извините, я не знаю, что это значит.

— Узнаете, если согласитесь попробовать. Хочу быть абсолютно честной: я впервые провожу этот эксперимент на сцене.

Что?.. Я первый? А вдруг она не справится? Я должен что-то отвечать, на меня все смотрят, я выгляжу смешным. Но давать задний ход поздно.

Помявшись, он утвердительно кивает.

— Что ж, если вы готовы, начнем.

Она подает знак осветителю. Теперь весь свет направлен на Рене, она осталась в полутьме.

— Закройте глаза. Расслабьтесь. Дышите глубже. Вас охватывает сладостное оцепенение, вы готовитесь к новому, приятному переживанию.

Призыв расслабиться всегда меня раздражает. Хорошенькое начало...

— Теперь представьте лестницу. Спускайтесь вниз. Спустились? Перед вами дверь в бессознательное. Видите ее?

Ни черта не вижу.

— Вы слышите меня, Рене? Вы по-прежнему с нами? Ответьте на вопрос: вы видите эту дверь?

Необязательно открывать глаза, и так понятно, что на меня все смотрят. Если я не пойду у нее на поводу, то Элоди обязательно меня упрекнет, что я испортил представление, потому что не люблю гипноз и признаю только классическую магию. Ладно, постараюсь. Что она просит? Ах да, лестница. Спуститься по ступенькам и увидеть... да, дверь в бессознательное.

— Вы ее видите? — снова спрашивает гипнотизерша.

Что-то различаю... Да, наверное, это она, дверь. Может, и дверь.

— Да, вижу.

Вот она.

— Не переставайте со мной говорить. Описывайте в точности, что видите, по мере того, как оно будет появляться. Мы вас слушаем. Итак, на что она похожа, эта дверь в бессознательное?

— Железная, толстая, бронированная, на здоровенных петлях, с огромным ржавым замком.

— Представьте, что я даю вам ключ от замка. Вставляйте его в замочную скважину, поворачивайте. Все, открыли. Нажмите на ручку, медленно толкайте дверь. Получается?

— Нет.

— Старайтесь.

Легко сказать, столько ржавчины! Лучше бы открыть глаза и сразу все прекратить. Но нет, чувствую, она не позволит мне так легко увильнуть. Что ж, придется продолжить игру.

— Готово, открылась.

— Bravo, Рене! Перед вами коридор с пронумерованными дверями. Видите их? Можете описать?

— Толстый красный ковер, белые двери, черные цифры на позолоченных табличках.

— Какой ближайший к вам номер?

Не очень-то разглядишь. Надо сфокусироваться.

— 111.

— Это значит, что вы вышли из двери номер 112. Ваша нынешняя жизнь — 112-я. Хорошо. Теперь вам надо выбрать, какую жизнь вы хотите посетить. Четко сформулируйте, что доставит вам удовольствие.

— Что доставит?.. Скажем, та жизнь, в которой я вел себя максимально... героически.

— Прекрасно. Дверь, соответствующая этой героической жизни, осветится красным. Видите ее?

— Да, ее номер 109.

— Значит, она совсем недавняя. Ну же, открывайте.

Как-то я не очень уверен...

— Вперед, Рене. Я здесь. Здесь все мы, мы вас поддержим.

Раз так, придется идти до конца.

— Открыл.

— Опишите подробно все, что вы видите, слышите, чувствуете за этой дверью 109, Рене.

Глаза под веками движутся, Рене вздрагивает, на его лице острое изумление. Немного погодя он произносит:

— Я вижу свои...

2.

— ...руки.

Он продолжает обследование, сообщая о своих открытиях по мере их совершения.

Сознание Рене различает руки, отходящие от тела, в котором он находится. Пальцы в шрамах, ногти черны и обломаны. Кисти, торчащие из голубых рукавов, принадлежат, похоже, молодому человеку. Над ним ночное небо. Он достает из кармана зажигалку, щелкает ею и освещает огоньком свои часы. Стрелки показывают 5:35.

Он видит людей вокруг. На всех одинаковая голубая форма. Как историк он без труда опознает в ней французское обмундирование времен Первой мировой войны. От дыхания людей в морозном воздухе висит мутный пар. Они сидят в траншее глубиной два метра с обложенными досками стенами. Воняет гнилью и горелой плотью. Рене чувствует во всем теле околечение.

Что я здесь делаю?

Унтер в кепи и с нашивками объявляет переключку. Звучат фамилии и имена.

Услышав «капрал Ипполит Пелисье», он, к своему удивлению, отвечает:

— Я!

Вывод: в той, старой, жизни его звали Ипполит Пелисье.

Унтер-офицер проверяет своих подчиненных. Подойдя к Ипполиту Пелисье, он смотрит на его личный значок и говорит:

— Послушайте, капрал, мне знаком ваш послужной список, но потрудитесь все же позаботиться о своей внешности. Она должна быть безупречной. Может, убьют, может, нет, но опрятность никто не отменял. Извольте причесаться, пока не нагрянуло начальство.

— Слушаюсь, сержант.

Ипполит удаляется в туалетный угол, где, глядя в зеркальце, быстро приводит в порядок волосы, закрепляя слюной чуб. При этом нынешний Рене Толедано